

верю в освобождающую силу идентичности...И я предлагаю гипотезу, гласящую, что все главные тенденции изменений, составляющие наш новый, сбивающий с толку мир, соотносены между собой, и мы можем извлечь смысл из их взаимоотношений.

М. Кастельс

полагаю, что впечатляющее возрастание интереса к обоснованию идентичности может сказать больше о нынешнем состоянии человеческого общества, чем известные концептуальные и аналитические результаты его осмысления.

З. Бауман

наиболее развитых и успешно развивающихся обществах сам принцип инноваций вписан в институциональную и культурную, экономическую и политическую систему, макросоциальные факторы играют здесь поэтому самостоятельную роль во всех трансформационных процессах. В России, где эта роль несравненно слабее, индивид, обладающий способностями и волей к инновационной деятельности, становится решающим фактором модернизации и центральной единицей анализа модернизационного процесса.

Г. Г. Дилигенский

**Политическая идентичность
и политика идентичности**

2

**Идентичность и социально-
политические изменения в XXI веке**

Политическая идентичность и политика идентичности

Том 2

**Идентичность
и социально-
политические
изменения
в XXI веке**



Институт мировой экономики
и международных отношений
Российской академии наук

Политическая идентичность и политика идентичности

В двух томах



Москва
РОССПЭН
2012



Институт мировой экономики
и международных отношений
Российской академии наук

Том 2 Идентичность и социально- политические изменения в XXI веке

*Ответственный редактор
И. С. Семененко*



Москва
РОССПЭН
2012



УДК 32(030)
ББК 66.0(92)
П50

Редколлегия тома:
И. С. Семенов, В. В. Лапкин, Л. А. Фадеева

Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012.

ISBN 978-5-8243-1638-4

Т. 2 : Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / [отв. ред. И. С. Семенов]. – 471 с.

ISBN 978-5-8243-1640-7

Второй том двухтомного издания «Политическая идентичность и политика идентичности» посвящен анализу социально-политических изменений в современном мире, связанных с динамикой идентичности. В монографии представлены основные направления исследований в российской политической науке, использующих когнитивный потенциал концепта идентичности. Разные ракурсы анализа – конкретные исследования политических изменений, теоретические обобщения, философская рефлексия – представляют многомерную картину основных трендов современного развития. Исследование опирается на методологические подходы, результаты которых были обобщены в первом томе настоящего издания «Идентичность как категория политической науки. Словарь терминов и понятий». Издание предназначено для специалистов, занимающихся политическими и социогуманитарными исследованиями, для экспертов-аналитиков, преподавателей и студентов вузов.

УДК 32(030)
ББК 66.0(92)

ISBN 978-5-8243-1640-7 (т. 2)
ISBN 978-5-8243-1638-4

© ИМЭМО РАН, 2012
© Коллектив авторов, 2012
© Российская политическая энциклопедия, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. Меняющаяся идентичность в меняющемся мире	7
Раздел I. Мир, глобализация, политическая идентичность: стратегии и акторы политики идентичности	16
Глава 1. Политические изменения в глобальном мире и динамика идентичности (В. В. Лапкин)	16
Глава 2. Политическая нация, национальное государство и гражданская идентичность: на пути в глобальный мир (И. С. Семенов)	41
Глава 3. Политика идентичности: акторы, стратегии, дискурсы (Л. А. Фадеева)	72
Глава 4. Механизмы формирования политических идентичностей в политическом пространстве современного общества (Г. В. Пушкарева)	99
Раздел II. Политическая идентичность и политические изменения: между Западом и Незападом	114
Глава 5. Национально-цивилизационная идентичность и политические трансформации в современном мире (В. И. Пантин)	114
Глава 6. Религиозная и конфессиональная идентичность в контексте политических изменений современности (М. М. Мчедлова)	132
Глава 7. Политические изменения и трансформация идентичности в странах мусульманского Востока (И. В. Кудряшова)	155
Глава 8. Западная Европа: секулярная политическая традиция и мусульманская идентичность (Н. К. Кисовская)	184
Глава 9. Инокультурные идентичности и перспективы общественно-политического развития современного Запада (Г. И. Вайнштейн)	207
Раздел III. Российская идентичность как политический феномен: проблемы формирования и адаптации к постсоветским реалиям	232

Глава 10. Проблемы и противоречия российской идентичности (К. Г. Холодковский)	232
Глава 11. Региональная идентичность в Российской Федерации: преодолевая имперское наследие (О. Б. Подвинцев, М. В. Назукина)	258
Глава 12. Политическая идентичность и проблемы консолидации российского государства (С. П. Перегудов)	283
Раздел IV. Дискурсы идентичности и политический опыт Модерна	307
Глава 13. Эволюция идентичности в политическом проекте Модерна (В. С. Мартьянов)	307
Глава 14. Между идеями нации и цивилизации: дилеммы макрополитической идентичности в постимперском контексте (О. Ю. Малинова)	332
Глава 15. Многозначный феномен идентичности: архаика, модерн, постмодерн... (Е. Б. Рашковский)	354
Раздел V. Эволюция политических и социальных пространств и интеграционный потенциал идентичности	365
Глава 16. Региональная интеграция в современном мире и динамика макрополитической идентичности (И. М. Бусыгина) ...	365
Глава 17. Глобальная гражданская идентичность: от этических императивов к глобальным институтам (Н. В. Загладин, Н. Ю. Беляева)	387
Глава 18. Территориальные идентичности и реконфигурация социального пространства (Н. Ю. Замятина)	411
Глава 19. Сопространственность и территориальные идентичности в политическом проекте Модерна (Д. Н. Замятин) ...	430
Заключение. Индивид, гражданин, личность (И. С. Семенов, В. В. Лапкин, К. Г. Холодковский)	450
Сведения об авторах	463

ВВЕДЕНИЕ

Меняющаяся идентичность в меняющемся мире

Представляем читателю второй, монографический том книги «Политическая идентичность и политика идентичности». Работа над монографией, авторский коллектив исходил из общего исследовательского замысла этого двухтомного издания. В первом (словарном) томе был предложен понятийный ряд концептов и терминов, представляющих идентичность как категорию политической науки. В ходе методологической дискуссии была разработана ментальная карта политической идентичности. На этой основе в словаре были концептуализированы понятия, наиболее значимые в контексте политического анализа, прочно укоренившиеся в публичном дискурсе либо, напротив, недостаточно проясненные, в том числе и переходящие из смежных областей социогуманитарного знания. Авторы ставили задачу оценить когнитивный потенциал концепта политической идентичности и сопряженных с ним категорий, опробуя и развивая сформулированные подходы в рамках изучения трендов социально-политического развития современного мира.

Основным ракурсом исследования стал анализ перемен – изменчивого характера идентичности и динамики ее составляющих в контексте социальных трансформаций, происходящих в меняющейся на глазах «текущей современности». Стремление выявить значимые направления социальных изменений через изучение сдвигов в ценностных ориентациях и моделях поведения «человека политического» поставило во главу угла синтетический подход, до сих пор находившийся на периферии политических исследований. В его основе – интеграция анализа макрополитических процессов и их проекций на уровень индивида и сообществ, с которыми он себя соотносит, выявление взаимосвязей между личностным самоопределением и коллективными предпочтениями в политике. Рассмотренный сквозь призму идентичности, этот комплекс проблем открыл для авторов, изучающих политические институты и процессы, более широкую перспективу политического анализа и новые возможности концептуализации *социокультурных оснований политических изменений*.

Mirilovic N. Rising Powers: Is There a Relationship between Political and Economic Integration? / Sigur Center for Asian Studies. Policy Commentary. 2011. October.

Mitrany D. A Working Peace System. Chicago: Quadrangle Books, 1966.

Newman D. and Paasi A. Fences and neighbors in a postmodern world: boundary narratives in political geography // Progress in Human Geography. 1998. № 22 (2). P. 186–207.

Nischalke T. Does ASEAN Measure Up? Post-Cold War Diplomacy and the Idea of Regional Community // The Pacific Review. 2002. 15 Jan. P. 89–117.

Paasi A. Territories, Boundaries and Consciousness: The Changing Geographies of the Finnish-Russian Border. Chichester: John Wiley, 1996.

Pentland Ch. International Theory and European Integration. London: Faber and Faber, 1973.

Rueland J. ASEAN and the Asian Crises: Theoretical Implications and Practical Consequences for Southeast Asian Regionalism // The Pacific Review. 2000. 13 Mar. P. 421–451.

Sharpe S. An "ASEAN Way" to Security Cooperation in Southeast Asia? // The Pacific Review. 2003. 16 Febr. P. 231–250.

Soderbaum F. Introduction: Theories of New Regionalism // Theories of New Regionalism: A Palgrave Reader / eds. by F. Soderbaum & T. M. Shaw. New York: Palgrave, 2003.

Trenin D. The End of Eurasia: Russia on the Border Between Geopolitics and Globalization. Washington (D.C.) and Moscow: Carnegie Endowment for International Peace, 2002.

Van Klaveren A. Chile: The Search for Open Regionalism // National Perspectives on the New Regionalism in the South / eds. by B. Hettne, A. Inotai, & O. Sunkel. Hampshire: Macmillan Press, 2000.

Waisman C. H. The Dynamics of National Identity Frames: the Case of Argentina in the Twentieth Century // Constructing Collective Identities and Shaping Public Spheres: Latin America Paths / eds. by L. Roniger & M. Sznajder. Brighton: Sussex Academic Press, 1998.

Walt S. M. The Origins of Alliances. Cornell: Cornell University Press, 1990.

Waltz K. Man, the State and War. New York: Columbia University Press, 1986.

Wendt A. Anarchy is What the States Make of It // International Organization. 1992. № 46 P. 391–425.

Wivel A. The Integration Spiral: International Security and European Integration. Copenhagen: Institute of Political Science, University of Copenhagen, 2000.

И. М. Бусыгина

ГЛАВА 17. ГЛОБАЛЬНАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ОТ ЭТИЧЕСКИХ ИМПЕРАТИВОВ К ГЛОБАЛЬНЫМ ИНСТИТУТАМ

Сам феномен «глобальной идентичности» или ощущение себя «гражданином мира» многие связывают именно с реалиями уже наглядно идентифицируемой глобализации начала XXI века. Причем «наглядно» здесь означает не только видеоряд телевизионных новостей со всего мира и даже не доступ в интернет, где документальные видеосюжеты блогеров о последних событиях на арабском Востоке делают любого свидетелем происходящего там. Увидеть «наступившую глобализацию» сейчас можно и просто из окна дома в большом городе: реклама на иностранных языках, одежда и товары из разных стран, смешение стилей в архитектуре. Таким образом, если сам «глобальный мир» уже материально присутствует вокруг нас, нам приходится как-то соотносить себя с ним, вырабатывать отношение к разным его явлениям: от падения курса национальной валюты в период кризиса до разнообразия лиц, культур и языков, звучащих на улицах родного города. В самом деле, когда стоимость ежедневной продуктовой корзины зависит от решений стран Евросоюза об очередном транше в поддержку экономики Греции, находящейся на грани банкротства, поневоле приходится внимательно следить за встречами европейских политиков и изменением курса национальной валюты. Но и в другом случае, когда есть планы отдохнуть в выходные на Лазурном Берегу Франции, стоит проверить, не совпадают ли выбранные для поездки дни с какой-нибудь объявленной забастовкой, например французских авиадиспетчеров, чтобы не провести эти дни в аэропорту.

Таким образом, постепенно, но неотвратимо происходит освоение «практик глобализации», а с ними приходит осознание единства и взаимозависимости глобальных процессов, необходимости в них разбираться, хотя бы из чисто прагматических соображений, чтобы принимать рациональные решения, приспосабливаться к новым тенденциям. Если признать эту реальность и согласиться с тем, что усиление глобализации во всех ее проявлениях неизбежно, то придется признать, что практически все мы – жители Земли – являемся «глобальными гражданами», хотя бы «потенциальными», поскольку рано или поздно этот процесс коснется и нас. При этом важно, что такое приобщение к «глобальному гражданству» будет происходить объективно, независимо от нашего желания: в еде, одежде и телевизионном контенте – во всем будет нарастать «глобальная составляющая», вероятно расширяя потребительский выбор.

Формирование глобальной идентичности: «потребители» или «ответственные граждане»?

Однако стоит ли отождествлять глобальное гражданство с глобальным «потребительством» и считать гражданами такого сообщества всех людей без исключения? Вопрос этот далеко не праздный, поскольку является ключевым для самого определения гражданского общества как на национальном, так и на глобальном уровне. «Все или избранные?» – так формулирует эту антиномию Найджел Дауэр в своем развернутом вступлении к объемному учебному пособию, где почти на 300 страницах разбираются как философские концепты данного понятия, так и конкретные практические вопросы, например стоит ли и каким образом формировать «глобальное правительство». Дауэр строит свои рассуждения на противопоставлении простых утверждений «за» и «против», разбирая основные аргументы в поддержку противоположных тезисов. Тезис «за» – что все жители Земли являются «глобальными гражданами» – базируется на общем понимании гражданства как соотношения прав и обязанностей: «Мы все имеем моральные обязанности перед другими людьми, например не приносить им вреда. Но мы также имеем и права, защищенные Декларацией прав человека и другими международными договорами. Кроме того, как разумные и ответственные члены сообщества мы несем свою долю ответственности за то, чтобы не увеличивать, а, наоборот, снижать общие для всего человечества риски, например такие, как голод, войны, загрязнение среды» (Dower 2002). Тезис «против» базируется на анализе реальности с иллюстрацией конкретным примером: жители маленького племени лесов Амазонии хотя и подпадают под действие международных пактов по правам человека и могут являться адресатом международной гуманитарной помощи, но вряд ли они могут активно и сознательно участвовать в борьбе за мир или за гендерное равенство. С этим трудно не согласиться, поскольку сознательное участие в решении глобальных проблем предполагает не только определенный уровень развития общества, но также и индивидуальной «цивилизованности», чтобы эти проблемы сначала осознать, а потом и выработать адекватные способы им противостоять. Такие возможности не могут принадлежать людям разных стран в равной мере, особенно когда всеми признан увеличивающийся разрыв в уровне развития стран «богатого Севера» и «бедного Юга».

Таким образом, приходится согласиться, что значительное число жителей планеты лишено объективных возможностей ощущать себя «глобальными гражданами». Поэтому ответ на вопрос «все или избранные» склоняется скорее к варианту, что «избранные» – это те, кому повезло родиться и жить на территориях с достаточным уровнем развития. Однако такая «избранность» в условную категорию

«граждан мира» представляется неполной, да и не самой важной, поскольку решающий выбор делается не природой и волей случая, он зависит от самого человека. «Гражданин мира» не только «имеет возможность», но и заинтересован, готов и способен действовать в таком качестве. Это предполагает не только готовность к потреблению самых разнообразных благ цивилизации, но и способность к разумному самоограничению, не только стремление к личному благосостоянию, но и готовность к проявлению сострадания и солидарности, отказ от части собственных благ ради помощи другим людям или решения важных общечеловеческих задач.

Условный «закон возвышения потребностей» (как бы мы его ни понимали – по Марксу, Ленину, Маслоу или Бурдье) говорит о том, что при появлении новых экономических возможностей перед человеком первым актуализируется соблазн потребления. Поэтому неудивительно, что в современном глобальном мире с каждым годом становится все больше именно «потребителей». Их число резко увеличивается в первую очередь на более развитом «условном Севере», а ныне и в Китае, поскольку именно там ускоренными темпами развивается международный бизнес и торговля, растет мобильность в сфере искусства, науки и образования, а также международный туризм. В то же время у жителей «условного Юга», в первую очередь в беднейших странах Африки, совсем другие проблемы, и они все чаще становятся объектом заботы глобальных гуманитарных организаций, которые, в свою очередь, создаются и финансируются богатыми странами «развитого Севера».

Таким образом, «глобальный Север» демонстрирует одновременно две разные «этики развития»: неограниченного потребления и добровольного ограничения потребностей, готовности аккумулировать и распределять ресурсы в интересах решения глобальных проблем, а также конкретных стран и сообществ «бедного Юга».

Отсюда становится ясно, что ключевой вопрос принадлежности к «глобальному гражданству» – это вопрос этики или этического выбора. Речь идет о дилемме: какой из концептов глобального гражданства и идентификации себя как «гражданина мира» поставить во главу объединения глобального сообщества – концепт прав или концепт обязанностей? Если выбрать условно доминирующим концепт всеобщих прав, то, как было показано выше, он не может выступать в роли универсальной ценности в силу объективных причин недоступности этих прав и возможностей для населения значительной части Земли. Соответственно, универсальным объединительным концептом может стать лишь концепт обязанностей или ответственности, который при этом принимается исключительно добровольно, по мере освоения этики ограниченного потребления и готовности отказаться от части собственных благ для решения глобальных проблем.

Ряд авторов (Lagos 2002), которые исследуют современные концепции гражданства, также считают центральным концепт обязанностей и ответственности, которую современные граждане на себя принимают. Если исходить из концепта прав человека, то всех без исключения жителей Земли стоит признать «гражданами мира». Но если мы поставим во главу угла концепт обязанностей, то нести такие обязанности способны далеко не все, а именно «избранные», те, кто сознательно избрал для себя эту роль, кто делает свой этический выбор.

Итак, первое важное положение, которое хотелось бы зафиксировать в нашем понимании «глобального гражданства», – его основание на сознательном этическом выборе, что существенно сближает концепт глобального гражданства с концептом идентичности, в первую очередь гражданской¹, включающим три компонента: когнитивный, этический и волевой. «Гражданин мира» знает и понимает глобальные проблемы (когнитивный аспект), делает этический выбор в пользу того, что ему эти проблемы не безразличны и что к этому он морально причастен (этический аспект), и, наконец, принимает решение (волевой аспект) своими действиями менять ситуацию в соответствии со своим моральным выбором.

Здесь стоит сделать небольшое концептуальное отступление на тему современного понимания концепции гражданства в целом.

Вывод о сближении концепта идентичности и концепта гражданства далеко не случаен, а является развитием идей и разработок современной теории гражданства (Hansen 1998; Painter 2003; Abowitz, Harnish 2006; Abell, Condor 2006). Они получили «второе дыхание» с развитием процессов глобализации, созданием множественных наднациональных институтов и сообществ, от профессиональных до религиозных, и структурированием идентичностей поверх национальных границ. Одновременно с этим происходит ослабление жестких связей между индивидом и правовым регулированием национально-государства, все больше популярности приобретает многоуровневое управление (multilevel governance). Это приводит к тому, что современный человек может ощущать себя одновременно гражданином конкретной страны и региона, вести деятельность по восстановлению экологии другой местности, быть участником узкоспециализированного профессионального сообщества глобальной корпорации (ТНК) и организовывать акции в защиту узников совести в качестве «гражданин мира». При этом и права, и обязанности ощущаются и реализуются на всех этих уровнях, а главным компонентом является именно осознанный выбор самого человека, поскольку он может са-

¹ См. также статью «Гражданская идентичность» в первом томе настоящего издания.

мостоятельно решать, какой конкретный регулятивный режим более соответствует его интересам в данный момент жизни. Например, обладатель паспортов разных стран выбирает, в какой стране он хочет платить налоги, служить или не служить в армии. Гражданин Евросоюза выбирает свою работу и регистрирует свой бизнес в той стране, чей правовой режим более благоприятен для его бизнеса, либо регистрирует свой брак в той юрисдикции, которая для этой цели более подходит.

Гражданин мира выбирает возможность зарегистрировать свою фирму или глобальную гражданскую организацию там, где для этого есть более комфортные нормативные условия, а статус индивидуального налогоплательщика может выбрать в другой стране с удобными ему в данный период условиями режима налогообложения личных доходов. Дети, родившиеся на территории США от иностранных граждан, получают американское гражданство и все права граждан, а проживать при этом могут в любой другой стране мира, пользуясь одновременно возможностями и преимуществами регулятивных режимов этих стран, но и сохраняя защиту и покровительство, предоставляемое американским гражданством.

Принимая во внимания все эти тенденции мирового развития, теоретики уже не увязывают концепцию гражданства исключительно или даже в первую очередь с юрисдикцией национального государства, а все больше – с принадлежностью к сообществу, которое формируется на культурном и этическом уровнях. Это еще больше сближает концепцию гражданства с концепцией идентичности (Piper, Garrat 2004; Langlois 2001; Lagos 2007).

Современные трактовки понятия «европейское гражданство» увязывают его в гораздо большей степени с самоидентификацией человека, с его ценностями и гражданской культурой, чем с цветом его паспорта. Поэтому даже в учебных пособиях для европейских организаций по работе с молодежью предлагают различать понятия «европейское гражданство» и «гражданство Европейского союза», основанное на Маастрихтском соглашении 1992 года, которое прямо предусматривает, что граждане всех стран, подписавших договор, являются одновременно гражданами Европейского союза. Амстердамский договор 1997 года прямо уточняет, что гражданство ЕС «дополняет, но не заменяет национального гражданства». А «европейское гражданство», как его понимают идеологи учебных пособий для тренингов молодежных организаций, финансируемых Еврокомиссией и поддержанных Советом Европы², предлагают революционную

² Неправительственная организация «Обучающие программы европейского гражданства» (European Citizenship Training Courses), Совет Европы и Еврокомиссия

концепцию замены ключевого отношения «гражданин-государство» на отношения «гражданин – гражданин», которое основывается на уважении прав человека и взаимных обязанностях людей друг перед другом. В учебных материалах, на основе которых проходят обучение сотни тысяч молодых людей Европы, прямо постулируется, что европейское гражданство предполагает принадлежность не к конкретной стране, территории или наднациональному объединению стран, а к сообществу, основанному на общих ценностях. При этом и сама Европа понимается здесь не как страна или совокупность государств, а как «сообщество сообществ», т. е. как сообщество людей и народов с разными характеристиками, но общими ценностями и единым видением перспективы общего политического, экономического, социального и культурного развития. Европа – «это то, как мы думаем и как мы действуем, а европейское гражданство – это избранная идентичность и способность действовать в соответствии с ней» (Concepts of Europe and European Citizenship б. г.).

Таким образом, ряд современных теорий гражданства и в еще большей степени – новые практики воспитания активного гражданства напрямую увязывают данные практики с избранной идентичностью в большей степени, чем с правовым регулированием и тем более с принадлежностью к юрисдикциям конкретных стран или их объединений.

С этическим выбором связан и другой острый вопрос в теории глобального гражданства, что также сближает эту концепцию с теориями идентичности, а именно: является ли идея такого гражданства исключительно «этическим концептом», т. е. набором моральных правил, «что людям стоит и не стоит делать», или она обязательно предполагает наличие устойчивых «наднациональных институций», наподобие «мирового правительства», которые должны человеческим сообществом управлять и по отношению к которым участники глобальных гражданских движений должны как-то позиционироваться, отождествляя или противопоставляя себя этим институтам.

Сторонников достаточности «этического концепта» довольно много, поскольку он «старый», известен со времен древнегреческих стоиков, которые разрабатывали теории о связи просвещенного индивида с моральной вселенной, не зависящей от жизни и правил кон-

сотрудничают вместе в сфере продвижения идей европейского гражданства среди молодежи (режим доступа: http://www.european-citizenship.org/repository/1_ECTS_Introduction.pdf). В рамках этого сотрудничества разработан практический обучающий курс «Европейское гражданство в молодежных обучающих программах», который, в частности, предусматривает модуль занятий по теме «Концепции гражданства и европейское гражданство» (режим доступа: <http://www.european-citizenship.org/documents/>).

кретных современных им политических сообществ. При этом сами политические сообщества представлялись как «искусственные», поскольку создавались политической волей конкретных правителей и могли резко расходиться с моралью и этикой стоиков. В этом случае последние призывали своих сторонников отстраниться от конкретных сообществ и отвечать в своих действиях только перед высшим нравственным законом.

Интересно отметить, что такое значение нравственного закона, который по И. Канту «всегда внутри нас», т. е. не зависит от внешней реальности, как бы она ни заставляла нас от этого внутреннего императива отказаться, воспроизводится многими современными активистами гражданских движений, особенно теми, кому приходится работать в условиях репрессивных авторитарных режимов. Ими руководит не рациональное желание приспособиться к правилам окружающих политических сообществ, а некоторая моральная максима, основанная на общечеловеческих, «глобальных» моральных ценностях. Именно это острое переживание несоответствия репрессивных практик и вопиющей несправедливости внутреннему нравственному чувству и пробуждает ту самую гражданскую идентичность, зовущую к активным действиям, которая была достаточно образно и точно выражена советскими диссидентами: «Так дальше жить нельзя».

При всей важности этического нравственного выбора много сторонников есть и у «институционального концепта» структурирования «глобального гражданства», который основывается на аналогии с ролью активной части социума национального государства. Если «национальное» гражданское общество противостоит или, в благоприятных случаях, оппонирует национальному государству, то глобальное гражданское общество должно по определению противостоять некоторому условному «глобальному правительству» или тем международным структурам, которые его в современном мире олицетворяют. Такой жесткий институционализм зачастую транслируется исследователями из числа представителей менеджмента и юриспруденции, поскольку в традиции этих профессий искать в социальных процессах отношения управления и подчинения, которые достаточно наглядно представлены в противостоянии двух институциональных систем: государственной – с ее управлением и подчинением и общественной – с ее инициативой, альтернативой и непокорностью. И хотя в организации глобальных взаимодействий (global governance) обходиться без устойчивых институций и организации их взаимодействия еще не научились, абсолютизировать институциональный подход и создавать аналоги всемирной управляющей структуры в виде «глобального правительства» вряд ли целесообразно.

Мы полагаем, что в вопросе о необходимости устойчивых наднациональных институтов, которые бы могли «цементировать»

глобальную идентичность и служить основанием воспроизводства и манифестации всемирного гражданства, стоит согласиться с рекомендацией Дауэра. Он считает, что наиболее продуктивным будет сочетание этического подхода с институциональным, но на первый план стоит вывести все-таки моральный выбор. «Моральный выбор заключается в том, что мы признаем за собой определенные обязательства по решению глобальных проблем, но их реализация, – говорит Дауэр, – требует создания и воспроизводства соответствующих институций. При этом их устойчивость будет напрямую зависеть от того, как много людей признают эти институты легитимными и будут им постоянно следовать» (Dower 2002: 32). В создании таких институций важнейшая роль принадлежит «мыслителям», которые способны сформулировать этот моральный императив. Вокруг него формируется этическое сообщество с определенным менталитетом и образом действий, а уже это сообщество впоследствии создает и глобальные институты.

Таким образом, можно утверждать, что в основе формирования глобального гражданства и глобальной гражданской идентичности лежит не участие в распределении и потреблении продуктов современной глобальной цивилизации, а три взаимосвязанных компонента личности: когнитивный, этический и волевой или деятельностный. Когнитивный компонент включает знание о проблемах глобального мира; этический означает личностный выбор позиции неравнодушия, готовности противостояния этим проблемам; деятельностный предполагает активную работу по формированию наднациональных сообществ, основанных на общих ценностях, которые создают и воспроизводят глобальные институты, направленные на решение этих проблем.

Глобальные гражданские организации и движения как деятельностная манифестация гражданской идентичности

Факт существования глобальных гражданских организаций и движений (будем называть их ГГО) получил заслуженное признание. Ряд исследователей считают, что совокупность и взаимодействие этих организаций и составляют новый феномен современности, который можно назвать «глобальное гражданское общество», но эту позицию разделяют далеко не все. По нашему мнению, было бы точнее говорить об «идее ГГО», к которой стремятся и которую своими солидарными действиями приближают участники и активисты трансграничных гражданских движений. При этом в самом понятии «глобальное гражданское общество», которое пока только вырабатывается, акцент делается скорее не на «совокупность международных неправительственных организаций» (МНПО), а на будущее «справед-

ливое мироустройство», в котором межгосударственные и коммерческие организации работают в тесном сотрудничестве и под контролем широкого и хорошо организованного сообщества неравнодушных, грамотных и активных граждан разных стран мира, взявших на себя часть ответственности за решение острых международных проблем и объединившихся для этого в сотни тысяч автономных, но постоянно взаимодействующих между собой активистских групп, организаций, движений и сетей.

Однако поскольку такое состояние мироустройства пока остается достаточно далеким идеалом, основное внимание исследователей уделяется тому фактору, который наиболее очевиден, – деятельности конкретных глобальных гражданских организаций.

Такие МНПО, имеющие официально признанный статус международных (их в современном мире официально зарегистрировано около 40 тысяч) или установивших широкую сеть трансграничных связей, действуют все более активно и согласованно, а их влияние весьма ощутимо. Многие из структур ГГО способны влиять на политическое развитие современной цивилизации. Например, такая известная неправительственная организация, как «Международная амнистия» (Amnesty International, создана в 1961 году), насчитывает в своей штаб-квартире в Лондоне всего около 500 сотрудников, но при этом число ее активистов, действующих в 150 странах мира, в 2011 году достигло 3 млн человек (см.: Amnesty International). «Гринпис» («Greenpeace») был основан в 1971 году и в 2010-м насчитывал 2,8 млн членов, его отделения существуют почти во всех странах мира (см.: Greenpeace).

Одним из интересных примеров создания глобальной организации последнего времени является Ассоциация АТТАС (Association for the Taxation of Financial Transactions and Aid to Citizens), основанная в 1998 году с целью создания противовеса неолиберальной глобализации для развития социальных, экологических и демократических альтернатив и защиты прав всех жителей глобализующегося мира. Уникальным в ее создании является сам фокус на процессах глобализации, которая представляется участникам сети несправедливой и «грабительской», ведущей к еще большему обнищанию бедных стран, попадающих в глубокую долговую зависимость от международных финансовых институтов. Главное требование участников движения – введение единого налога на трансграничные финансовые операции, приводящие корпорации к необоснованному, «ростовщическому» обогащению. Направить же сборы с этого налога предлагается «на достижение глобальных общественных благ», включая помощь беднейшему населению и борьбу с эпидемиями и экологическими катастрофами. Таким образом, участники движения демонстрируют полный набор признаков глобальной идентичности: не только знание о проблемах современного мира, но и понимание их причин,

не только озабоченность названными проблемами, но и наличие четкой программы действий, направленной на перестройку наднациональных структур управления, создание более справедливого мира для всех жителей планеты. К настоящему времени АТТАС превратилась в одну из мощных глобальных гражданских сетей (см. рис.). Она действует более чем в 40 странах мира и опирается на поддержку 50 национальных подгрупп и более тысяч групп и сетей поддержки (АТТАС).



Рис. Глобальная сеть Ассоциации АТТАС.

Процесс становления глобального гражданского общества, а с ним и укрепления глобальной гражданской идентичности еще далек от завершения, и многие сюжеты явно потребуют дополнительных уточнений и дополнений. При этом с некоторой долей условности можно утверждать, что к структурам глобального гражданского общества относятся те международные общественные объединения, участники которых стремятся к решению задач, важных, по их мнению, для всего человечества или его значительной части. При всем разнообразии таких организаций и их целей сложился консенсус по поводу наиболее значимых глобальных проблем, требующих совместных усилий «граждан мира». В самом общем виде эти задачи, как правило, включают:

- решение проблем экологии, что подразумевает борьбу с загрязнением окружающей среды промышленными и бытовыми отходами, переход к экологически «чистым» производствам, запрещение использования потенциально опасных технологий (в частности, генетически модифицированных пищевых продуктов), сохранение естественной среды обитания: прекращение вырубki лесов, промысловой добычи редких представителей фауны;

- защиту гуманистических идеалов, что предполагает очень широкий спектр действий: разоблачение нарушений в сфере прав человека и их защиту, борьбу за отмену смертной казни и пыток, помощь беженцам из зон конфликтов, поддержку беднейших стран в развитии образования и здравоохранения, содействие в преодолении последствий природных катастроф, в борьбе с эпидемиями, требование запрещения использования «негуманных» видов оружия, защиту прав национальных, религиозных и других меньшинств;

- требования коррекции политического и социального развития мира: изменение модели глобализации (альтерглобализм), осуждение политики мировых лидеров и международных организаций как отвечающей интересам транснациональных корпораций и банков (ТНК и ТНБ), призывы решить проблемы развития, бедности, отсутствия доступа граждан беднейших стран к достижениям современной цивилизации, утверждение тех или иных гуманитарных воззрений, в том числе религиозных.

Структуры ГГО не являются субъектами международных отношений (к последним относятся государства, международные и межгосударственные организации), но они начинают играть роль заметного актора мировой политики. Они способны влиять на формирование общественного мнения во многих странах, воздействовать на оценку тех или иных событий на международной арене, проводить массовые, консолидированные акции, вплоть до содействия политическим переменам там, где для этого вызрели соответствующие предпосылки.

Тем не менее вопросы о том, что собой представляет ГГО, является ли оно феноменом современности, можно ли его считать активным и тем более сугубо позитивным актором мировой политики, каковы перспективы у структур, составляющих ГГО, вызывают споры. Например, Т. Каротерс, один из руководителей Фонда Карнеги, считает, что ничего принципиально нового не происходит и аналогом глобального гражданского общества может считаться структура Римской католической церкви, веками существовавшая как негосударственная организация, имевшая четко определенные цели и идеалы (Каротерс 2011).

Другого мнения придерживаются теоретики альтерглобалистского движения Д. С. Кортен, Н. Перлас и В. Шива, которые полагают, что возникновение глобального гражданского общества следует датировать концом XX века. По их мнению, его формирование было ответом «снизу» на попытку транснационального бизнеса и бюрократии Международного валютного фонда (МВФ) и Всемирной торговой организации (ВТО) подчинить своим корыстным интересам развитие мировой экономики и принятие политических решений, направленных на то, чтобы элиминировать демократию и социальные права трудящихся (Korten, Perlas, Shiva. 2002).

Наконец, в ряде работ утверждается, что технологической основой ГГО является развитие новейших технических средств коммуникации, обеспечивающих распространение глобальных потоков информации через государственные границы и на огромные расстояния, т. е. структурирование ГГО связывается с развитием интернет-технологий.

Существуют и иные спорные вопросы, относящиеся к развитию ГГО. Острее всего их ставит Т. Каротерс. Во-первых, констатируя, что основные идеи и структуры ГГО зародились в Западной Европе и Северной Америке, он рассматривает их как своего рода орудие неокOLONIALИЗМА. Как он пишет, «...большинство новых межнациональных некоммерческих акторов – западные организации, внедряющиеся в переходные и развивающиеся общества. Они могут работать в сотрудничестве с организациями из этих стран, но программа действий и система ценностей является исключительно их прерогативой в данном сотрудничестве. В этом смысле межнациональное гражданское общество является глобальным, но оно используется с целью распространения западного политического и экономического влияния, что порицается в других сферах общественной жизни». Во-вторых, он считает, что к структурам ГГО следует отнести и «группы ненависти», т. е. международные террористические организации и преступные группировки, которые «являются примером наиболее продвинутой формы гибкой, творческой международной организации» (Каротерс 2011).

Таким образом, вопросы о времени возникновения, природе, структуре и перспективах ГГО вызывают дискуссии и требуют специального анализа и изучения.

От общечеловеческих ценностей к глобальной политической идентичности: акторы и механизмы формирования

Попытки обращения к общечеловеческим ценностям универсального характера предпринимались неоднократно с различной степенью успешности. При этом далеко не всегда приверженность этим ценностям приводила следующих им людей к конфликту идентичностей.

Так, наиболее успешным можно признать общегуманистические действия Красного Креста, требования которого были приняты большинством государств мира. Логика идеологии национальных государств, патриотического воспитания требовала восхваления военных подвигов своих граждан, что подразумевало уважение к достойному поведению противника на поле боя, соблюдения своего рода кодекса чести. Отсюда вытекало признание необходимости оказания медицинской помощи честно сражавшимся не только своим,

но и вражеским бойцам, гуманное взаимное отношение к пленникам. Были здесь и прагматические соображения: возможности обмена военнопленными после заключения перемирия, получение дополнительной информации о противнике.

К числу более или менее успешных международных гражданских структур XIX века можно отнести, во-первых, движение за отмену рабства (аболиционизм), имевшее сторонников во многих странах мира. Его приверженцы выступали за признание гражданских прав за невольниками, вывезенными из стран Африки и работавшими на Юге США, в государствах Латинской Америки, Вост-Индии.

Во-вторых, это движения политического характера, сторонники которых опирались на философию Просвещения о равенстве всех людей, были воодушевлены идеями Великой французской революции и ее лозунгом «Свобода, равенство, братство», а также опытом США, где впервые в Новой истории сложилось федеративное демократическое государство. По сути дела, для Европы того времени это были революционные движения, приверженцы которых считали, что они должны быть не подданными монархов, а гражданами своих стран. Они действовали в рамках отдельных государств, а объединяющим их началом выступала близость воззрений.

В-третьих, это движения социального порядка, отстаивавшие права малоимущих, низкооплачиваемых работников физического труда, осуждавших общество, допускающее такое социальное расслоение, при котором преуспевание немногочисленного слоя имущих обеспечивается за счет эксплуатации труда наемных работников. Эти движения, у истоков которых стояли I и II Интернационалы и Коминтерн (Коммунистический интернационал), стали предтечами многих структур современного ГГО.

В-четвертых, это суфражистское движение, получившее распространение на рубеже XIX–XX веков в странах Запада.

В-пятых, это общегуманистические движения, как уже упоминавшийся Красный Крест; сюда же следует отнести пацифистские организации, выступавшие против использования насилия в международных отношениях.

Каждое из этих направлений развития гражданской активности имело свой опыт деятельности, свои достижения, переживало спады и подъемы, трансформировало отстаиваемые ими идеи. Так, лозунги и требования социального равенства в какой-то мере утратили актуальность в период довольно быстрого роста уровня жизни в странах «Севера» с рыночной экономикой в 1950–1970-е годы, с возникновением массового среднего класса. Но они вновь оказались в центре требований широких слоев населения многих развитых государств в условиях глобального кризиса 2008–2009 годов и его крайне негативных последствий в 2010–2011 годах.

Трансграничные движения, выдвигающие требования, поддерживаемые более или менее значительной частью населения охваченных ими стран, начали возникать примерно с середины XIX века. Они выступали влиятельным, но нестабильным фактором мировой политики, переживали спады и подъемы. Частичное удовлетворение требований этих зародышевых структур ГГО приводило к падению их активности. Движения преобразовывались в политические партии лишь в тех случаях, когда породившие их проблемы не находили удовлетворительного решения. В конце XIX – начале XX века это произошло со сторонниками идеи социальной справедливости. Они создали политические партии, до сих пор играющие значительную роль в мировой политике (коммунисты и социал-демократы); в 1970–1980-е годы то же самое произошло с экологистами.

Главное, что здесь следует отметить, – большинство запросов и требований структур современного ГГО (кроме, вероятно, экологических движений, что было неактуально в прошлом) так или иначе выступают развитием идей, которые в целом довольно успешно отстаивались ранее. Однако говорить о существовании глобального гражданского общества в XIX веке все же нет оснований. Тогда в сходных условиях стран, находящихся на более или менее сопоставимом уровне развития гражданского общества, формировались близкие идеи, складывались международные команды единомышленников, иногда официально оформленные, иногда – как эпизодически взаимодействующие структуры. Основной ареной действия этих структур были «свои» общества, такой фактор, как «мировое общественное мнение», играл ограниченную роль. Кроме того, по наблюдению известного английского социолога Э. Гидденса, массовые движения прошлого боролись за «свободу от», а нынешние активисты выступают за «свободу для». Действительно, требования аболиционистов состояли в освобождении людей от рабства, суфражисток – в преодолении неравноправного положения женщин. Сейчас же массовые движения добиваются свободы для реализации альтернативной модели глобализации, экологически сбалансированного мира, смены характера потребления.

Ситуация 1960–1980-х годов способствовала развитию совершенно нового типа сознания и идентичности и их политического выражения. В какой-то мере, вероятно, основой выступили ставшие достоянием широкой общественности разработки «Римского клуба» и интеллектуалов, озабоченных угрозой новой мировой войны. Они доказывали, что потребительская ориентация развития цивилизации очень скоро приведет к исчерпанию природных ресурсов Земли. Многие эксперты также очень убедительно проводили мысль о том, что загрязнение среды обитания людей постоянно растущими отходами промышленной деятельности приводит к катастрофическим

последствиям: росту смертности, климатическим изменениям и т. д. (Форестер 1978; Тимберген 1980; Печчеи 1980). Специалисты в области вооружений доказывали, что применение даже сотой части ядерных арсеналов, накопленных человечеством, приведет к «ядерной зиме», исчезновению условий для воспроизводства жизни (Пархоменко, Тарко 2000).

Большинство соответствующих специалистов не предполагали, что они станут зачинателями новых политических идеологий и движений, пассионарные активисты которых видели своим идеалом «альтернативный мир», ассоциировали свои интересы с его утверждением. При этом мыслители 1960–1980-х годов, оппозиционно настроенные по отношению к существующей социальной реальности (такие как Г. Маркузе, представители франкфуртской школы и др.), в отличие от К. Маркса и В. И. Ленина, не пытались предсказывать, каким может стать будущее общество. Они лишь констатировали наличие у всех существующих общественно-политических структур серьезных проблем, полагая, что в ходе борьбы за их решение сложатся более четкие контуры нового мира (Маркузе 1994).

Возникшие на почве их представлений течения получили название «движение одного требования». Их активность тогда концентрировалась вокруг узкого круга вопросов: прекращение антигуманной войны в Юго-Восточной Азии, отказ от продолжения гонки вооружений и прекращение холодной войны, учет экологических императивов, признание в качестве законных однополых браков и т. д. Если требования этих массовых движений не принимались во внимание, они начинали приобретать антисистемный характер, а их сторонники не останавливались перед откровенно бунтарскими, революционными акциями, бросая вызов власти и конституционному строю. Но в ситуации, когда их запросы хотя бы частично принимались во внимание, они быстро шли на спад.

В современном мире каждый человек является носителем многослойной и довольно противоречивой идентичности. Он может руководствоваться эгоистическими соображениями личной выгоды, обогащения в том числе, в определенных ситуациях и за счет нанесения ущерба государству, гражданином которого он является. Одновременно он может быть патриотом своей семьи, клана, религиозной общины, политической партии, к которой принадлежит, любить свою Родину, желать ей блага – и понимать, что есть определенные высшие ценности общечеловеческого характера.

Очевидно, что предпосылкой вовлечения того или иного индивида в борьбу за решение глобальных проблем современности выступают сдвиги в его идентичности. Люди, являющиеся активистами ГГО, становятся жителями «глобальной деревни» (термин канадского мыслителя Г. М. Маклюэна). Иначе говоря, воспринимают события

глобального уровня как непосредственно затрагивающие их интересы и чувства. Страдания людей на далеком Гаити после землетрясения или в Таиланде и Индонезии после цунами ощущаются ими как переживания близких соседей, которым надо помогать.

Самоидентификация глобальных граждан: количественные характеристики

Известно, что еще Сократ считал себя «человеком мира». А сколько таких граждан можно насчитать сейчас?

Потенциал расширения состава людей, причисляющих себя к «гражданам мира», в современном обществе довольно велик. Судя по данным опроса общественного мнения, проведенного «Уорлд паблик опинион» в 2009 году в 45 странах (в них проживает более $\frac{2}{3}$ населения Земли), в среднем $\frac{2}{3}$ людей считают себя гражданами своих государств, 10 % в первую очередь воспринимают себя «гражданами мира», 20 % сочетают приверженность общечеловеческим ценностям с национальной идентичностью. Разумеется, в различных странах эти показатели не совпадают. Наибольший процент людей, считающих себя в первую очередь «гражданами мира», оказался в Германии и Италии (19 и 21 %). Во многих странах (Франции, Мексике и др.) большинство опрошенных не видят противоречия между национальной идентичностью и восприятием себя в качестве «гражданина мира» (Likely to See Themselves as Global Citizens 2009).

Судя по данным другого опроса, проведенного в исламских странах, их граждане наиболее далеки от признания приоритетности глобальных проблем современности. Так, на вопрос о том, с какими ценностями они себя идентифицируют, были получены следующие ответы: с исламскими – 39 %, с гражданством своей страны – 32 %, с арабской солидарностью – 25 %, со статусом «гражданина мира» – 4 %. Примерно такие же данные были получены и при ответе на вопрос, на базе каких интересов должна проводиться политика (Likely to See Themselves as Global Citizens 2009).

Сходный опрос, но по несколько иной методике, допускающей до трех вариантов ответа на предложенные вопросы, неоднократно проводился ВЦИОМ и в России. Результаты показали, что с 2005 по 2010 год удельный вес людей, считающих себя «гражданами мира», увеличился с 4 до 6 % (ВЦИОМ 2010). Это говорит в том числе о слабой пока активности в Российской Федерации структур ПГО.

Судя по соответствующим опросам, проведенным в США в 2008–2009 годах, большинство американцев проявляют в отношении глобальных проблем современности довольно высокий уровень сознательности. Так, 86 % опрошенных выражали озабоченность состоянием среды обитания человека. 73 % позитивно оценивали Киотский

протокол, обязующий его участников ограничивать выброс в атмосферу углекислого газа и иных веществ, усиливающих парниковый эффект (США к этому протоколу не присоединились). Среди американцев 67 % признавали, что Америка ответственна за значительную часть загрязнения отходами окружающей среды и избыточное потребление. Подавляющее большинство опрошенных (91 %) соглашались с тем, что при этом не учитываются интересы будущих поколений, 88 % считали, что необходимо изменить образ жизни и потребления. Таким образом, примерно $\frac{2}{3}$ граждан США имеют довольно четкое представление о том, какими должны быть приоритеты внешней и внутренней политики, призванной содействовать решению глобальных проблем современности. 73 % американцев рассматривали себя в качестве «граждан мира» и одновременно – «гражданами Соединенных Штатов» (U.S. Public Opinion Survey 2008–2009). Именно этим изначально объяснялась поддержка Б. Обамы, обещавшего увеличение государственных расходов на цели охраны окружающей среды, на развитие альтернативных источников энергии. Тем большим оказалось их разочарование переходом к политике жесткой экономики на подобных программах, вылившееся в массовое движение «Захватим Уолл-стрит».

По мнению С. Калла, директора «Уорлд паблик опинион», число людей, обладающих менталитетом «гражданина мира», будет возрастать. В пользу этого утверждения он приводит два аргумента. Во-первых, судя по данным опросов, доля тех, кто считает приоритетом решение глобальных проблем современности, больше среди молодежи, чем среди пенсионеров (в среднем по миру 34 и 24 %). Соответственно, со сменой поколений широта кругозора людей будет возрастать. Во-вторых, международный туризм получает все более широкое распространение, а среди людей, посетивших зарубежные страны, доля «граждан мира» намного больше, чем среди «домоседов» (47 и 29 %) (U.S. Public Opinion Survey).

Разумеется, было бы неверным делать вывод о численности носителей глобальной гражданской идентичности лишь на основе данных опросов. Показательно, что в комментарии к опросу «Уорлд паблик опинион» отмечается, что, согласно ранее публиковавшимся данным, «гражданами мира» считает себя 72 % населения Земли, что не получило подтверждения (People Who Know Foreigners or Travel More Likely to See Themselves as Global Citizens: Global Survey 2009). Действительно, очень многое зависит от того, как сформулирован вопрос, понимает ли респондент, что национально-государственные интересы могут вступать в конфликт с мерами, необходимыми для решения глобальных проблем современности. Например, мероприятия, требующиеся для снижения уровня загрязнения окружающей среды, весьма дорогостоящи, они способны затруднить решение проблем

развития, уменьшить прибыли корпораций, привести к удорожанию продукции массового потребления, потребовать дополнительных государственных расходов, повышения налогов, что понизит уровень жизни широких масс населения. Поэтому нельзя утверждать, что респонденты, выбирающие экологически чистые стратегии развития, которые соответствуют глобальным ценностям и установкам, поддержат их с такой же уверенностью, если от этого будет зависеть закрытие экологически небезопасного предприятия, на котором они работают, тем более если это их единственный источник дохода.

Однако очевидное увеличение числа людей, озабоченных «общими мировыми проблемами», подтверждается не только опросами, но и конкретными фактами: ростом числа международных неправительственных организаций и добровольного членства в этих организациях, возрастанием объемов пожертвований на цели этих организаций и числа участников глобальных акций и движений. Но процесс становления глобального гражданского общества и укрепления глобальной гражданской идентичности еще далек от завершения. В числе требующих дополнительного изучения сюжетов – механизмы формирования глобальной гражданской идентичности.

Глобальные медиа и формирование множественных идентичностей

Возникновение интернета, основного канала взаимодействия структур ГГО, значительно повлияло на облик самого движения. Первоначально на этом поле доминировали блогеры и интернет-провайдеры США и других англоязычных стран, что давало определенные основания рассматривать соответствующие структуры как инструмент «мягкой силы» и культурного давления Соединенных Штатов. Однако за последние 10 лет ситуация коренным образом изменилась. Так, на конец 2000 года число пользователей интернета в мире составляло около 361 млн человек, из них 108 млн приходилось на Северную Америку, 105 млн на Европу. По данным на 2011 год, число пользователей сети интернет в целом достигло 2 млрд 100 млн человек, при этом большинство ныне приходится на страны Азии (922 млн), а Латинская Америка приблизилась к показателям Северной Америки (215 и 272 млн пользователей соответственно). Очень быстро распространялись сети «глобальной паутины» в Африке. В 2000 году на этом континенте было лишь 4,5 млн интернет-пользователей, в 2011 году их число возросло до 119 млн (Internet World Stats 2011).

С распространением интернета увеличивалось и количество языков его провайдеров. По данным на середину 2011 года, «англоязычными» остались лишь 26,8% сегментов интернета. Остальные распределились следующим образом: китайский – 24,2 %, испаноязычный –

7,8 %, японский – 4,7 %, португальский – 3,9 %, немецкий – 3,6 %, арабский – 3,3 %, французский – 3,0 %, русский – 3,0 %, корейский – 2,0 %, все остальные языки мира – 17,8 % (Internet World Stats. 2011).

Эти данные, с учетом возрастающей значимости социокультурных факторов развития, и в частности, исламского ренессанса, заставляют задуматься: не происходит ли «перелом» тенденции к формированию, хотя и неоднородного, разобщенного ГГО, к его расколу на цивилизационно изолированные друг от друга сегменты, противостояние между которыми усугубит трения между ведущими странами мира? Или же единство пространства интернета позволит наладить более или менее содержательный неформальный диалог между представителями различных цивилизаций? Можно предположить, что, если такая тенденция возобладает, это будет связано не с исходно политизированными и конфликтующими друг с другом активистами разных сегментов глобальной Сети, а с пользователями, ориентированными на свои индивидуальные интересы.

Интернет уникален прежде всего потому, что предоставляет колоссальные возможности для развития творческой и активной личности – через создание информационных пространств и интерактивных сообществ. Интернет – это глобальная, трансграничная сеть, не контролируемая ни одним правительством мира и не принадлежащая никому. Он обеспечивает интерактивность, т. е. возможности диалога пользователей друг с другом и с любыми структурами. Данные особенности имеют как политические, так и экономические последствия.

Если поставить вопрос, что качественно нового в структурирование глобального гражданского общества принес интернет в сочетании с мобильной связью, то, вероятно, речь пойдет в первую очередь о минимизации возможностей явных и неявных цензурных ограничений на информацию. Основные каналы СМИ (пресса, радио, телевидение), конечно, и ранее сообщали людям о происходящих в мире событиях. В то же время монополистами в этом плане традиционно являлось ограниченное количество агентств ведущих стран мира, которые могли позволить себе иметь штат в сотни корреспондентов и операторов. Если они по тем или иным соображениям (идеологические мотивы, опасения «обидеть» власть имущих, их явно или косвенно выраженное пожелание и т. д.) замалчивают информацию, то она и связанные с ней события и интересы как бы и не существуют для общечеловеческой общности.

Интернет принципиально меняет эту ситуацию, обеспечивая интерактивность рядовых пользователей и поставщиков информации. Быстрая и непосредственная реакция пользователей, порой эмоциональная, порой аналитическая, добавление новых сведений к уже размещенным данным, не дает событиям – если речь идет о социально

значимых явлениях – «затеряться» в необъятных просторах интернета. Энтузиасты и активисты, ведущие сбор данных, их комментаторы, начинают ощущать себя политически значимыми фигурами и порой реально становятся таковыми: внимание к их блогам, каналам проявляют десятки тысяч человек. Интерактивность уже стала фактором политики, ведущие государственные деятели, правительственные ведомства в развитых странах мира реагируют на интернет-обращения граждан так же, как и на официальные жалобы и письма.

Теоретически можно было ожидать, что диалоги на интернет-форумах людей, представляющих различные цивилизации и принадлежащих к неодинаковым национальным культурам, выльются в нескончаемую полемику. Этого, однако, не произошло. Конечно, дебаты, в том числе и с использованием не вполне корректных выражений, порой имеют место, но развитие большинства форумов доказывает, что интернет формирует новую культуру, основанную на формулах, не имеющих ничего общего с известными, описанными в научной литературе примерами. Как считает индийский исследователь С. Бенхабиб, речь не идет о принятии ставшей популярной в ряде стран Запада формулы «мультикультурализма», т. е. уважения к иным культурам и точкам зрения, порожденным их спецификой. Не происходит и экспансии ценностей западной цивилизации. Перемены происходят на уровне восприятия мира не группами людей, не социумом, а индивидуальными пользователями интернета, вовлеченными в глобальный обмен информацией, при этом параметры перемен в сознании определяются их личностными характеристиками (Бенхабиб 2003). Поэтому самое главное – изменение личностного сознания, индивидуальных ценностей, на которых строится гражданская идентичность³.

Например, человек, озабоченный состоянием экологии планеты, скорее всего, не вступит в заводящую в тупик дискуссию политиков о том, что хуже влияет на перспективы мира: потребление развитыми странами большей части энергоресурсов или же стремление развивающихся государств любой ценой преодолеть свою отсталость, обеспечить повышение уровня жизни населения. Такой уровень дискуссий – удел экспертов, составляющих бюджеты на «экологические затраты» государственных ведомств или промышленных корпораций. Житель обычного города или поселения, не обремененный административными статусами и финансовыми зависимостями, оценивает окружающую экологию через конкретный опыт: выпадение цветного дождя, пахнущий гарью воздух, нефтяные пятна в ближайшей местной реке. Такой человек будет искать способ исправить конкретную

³ См. также статью «Сетевая идентичность» в первом томе настоящего издания.

тревожную ситуацию, найдет союзников, включится в работу местной экологической организации, а через нее – в глобальные экологические сети, чтобы через них понять, что во всем мире окружающую среду загрязняют крупные корпорации, добывающиеся максимальных прибылей, а потворствуют этому чиновники и политики, которые не способны эти корпорации ограничивать и контролировать. Страдают же от плохой экологии – опять же везде в мире – простые люди, которые не в состоянии купить себе жилье в «экологически чистом» районе. Вот тут и возникает чувство единства, понимание общей для всех проблемы, а при информации об уже ведущихся экологических акциях – чувство сопричастности и гражданской солидарности. «Гражданской» – не потому, что это касается граждан одного государства, а потому что возникает самоидентификация с более широкой общностью – с «зелеными активистами» разных континентов, у которых общие ценности и общие цели, со всеми, кто ощущает личную ответственность и готов выполнять соответствующие обязанности по сохранению чистоты своей планеты. Из этого и рождается новая глобальная идентичность общемирового масштаба, ощущение себя гражданами единого, общего, взаимосвязанного человеческого мира.

Индивидуальные представители Запада и Востока хотя и являются носителями разных культур и религий, приобретая через интернет возможность общаться друг с другом напрямую, без идеологических клише политизированных СМИ, скорее всего придут – и уже приходят – к консенсусу относительно необходимости, с одной стороны, справиться с проблемой избыточного потребления, с другой – преодолеть бремя бедности и отсталости государств Африки и Азии. На индивидуальном, «человеческом» уровне становится особенно очевидной аморальность ситуации, при которой значительная часть человечества живет на грани вымирания и практически лишена возможности что-то кардинально поменять в своей жизни. Постепенно, с издержками и трудностями у граждан самых разных стран формируется «общепланетарное сознание», т. е. понимание взаимной зависимости национальных и глобальных процессов и институтов, ощущение «единого общечеловеческого дома», и вырабатывается установка на решение проблем развития всего человечества, причем самими гражданами, помимо государственных инициатив.

Интернет и мобильная связь позволяют институтам зарождающегося ГГО налаживать оперативный обмен мнениями, подготавливать и осуществлять массовые акции, доводить сведения об их проведении до пользователей интернета, обмениваться информацией о ситуациях, требующих внимания. С этой точки зрения «глобальная паутина», развиваясь стихийно, все же приобретает определенную пространственную и тематическую структуру, и она же помогает самоорганизации ГГО. Еще недооцененной революцией в системе ком-

муникаций стало сочетание развития мобильной телефонной связи с возможностью выхода через нее в интернет. Иначе говоря, речь идет о гибриде мобильной связи и интернета. Мобильной связью к 2008 году пользовалась уже половина населения мира (в России – две трети, см.: Статистика. ru).

С появлением и распространением сети интернет, с превращением ее в канал глобальной коммуникации между индивидуальными гражданами ситуация в мире заметно меняется в сторону понимания общей «связанности». Всемирная паутина используется в качестве инструмента общения и самоорганизации, благодаря ей резко возрастает эффективность глобальных гражданских организаций и сетей. В частности,

- увеличивается число людей, начинающих считать себя «гражданами мира» и готовых участвовать в политической активности глобального уровня;

- умножаются возможности пропаганды общечеловеческих ценностей, распространения данных о глобальных проблемах и обсуждение идей по их преодолению;

- возникают новые формы гражданской самоорганизации, проведения консолидированных действий сторонников на разных континентах;

- сетевой характер большинства объединений обеспечивает им организационную гибкость, мгновенная связь дает возможность быстро менять приоритеты, а при проведении массовых акций – вовлекать в свои действия новых, в том числе и временных союзников, резко увеличивая масштабы глобального гражданского участия.

Но главное – появляется возможность постоянно действующей открытой площадки для обмена мнениями, для предъявления в глобальном публичном пространстве свидетельств острых общественных проблем, высказывания и согласования позиций по их решению, которые оказываются едиными или схожими в разных частях света.

Все это создает предпосылки для складывания глобального сообщества активных и равнодушных людей, для поддержания ощущения сопричастности с большим миром и ответственности за то, что в нем происходит. А это, в свою очередь, создает основу формирования глобальной гражданской идентичности.

Таким образом, мы можем констатировать, что формирование глобальной гражданской идентичности – это реальный процесс, который начинается с осознания общих проблем и личного этического выбора конкретного человека и преобразуется в деятельность по созданию гражданских организаций или участию в уже созданных объединениях и институциях, решающих проблемы глобального мира.

Среди возможных негативных сторон формирования такой идентичности стоит отметить риски утилитарного, потребительского

отношения к преимуществам глобализации, а также возможности «цивилизационных расколов», которые могут быть многократно ратифицированы глобальными медиа, целенаправленно работающими на мировую политическую конфронтацию в интересах своих собственников.

Главной тенденцией последнего десятилетия представляется активный рост осознания широким слоем активной «глобальной публики» взаимозависимости национальных, региональных и международных процессов, т. е. освоения первого, когнитивного компонента глобальной гражданской идентичности. От того, в какой мере это осознание приведет к «гражданскому», либо к «потребительскому» этическому выбору, будет зависеть качество наднациональных институтов и мироустройства в целом. При этом как бы ни развивались события вокруг процессов согласования интересов на международном уровне, политическая идентичность гражданина конкретной страны будет все в большей степени определяться не только его взаимодействиями с национальными государственными институтами, но и его отношением к глобальным проблемам и вовлеченностью в диалог культур и цивилизаций, соприкосновением с транснациональными институтами управления и глобального гражданского участия.

Литература

Академия «Гражданское общество» (эл. ресурс). Режим доступа: <http://www.academy-go.ru/Site/GrObsh/GrObsh-Publ.shtml>

Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М.: Логос, 2003.

ВЦИОМ. Пресс-выпуск. № 1522. 2010. 23 июня (эл. ресурс). Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=515&uid=13603>

Глобальное гражданское общество. Политический словарь (эл. ресурс). Режим доступа: <http://www.politicbook.ru/globalnoe-grazhdanskoe-obshhestvo>

Каротерс Т. Критический взгляд на гражданское общество. 2011 (эл. ресурс). Режим доступа: <http://www.academy-go.ru/Site/GrObsh/GrObsh-Publ.shtml>

Кравченко С. А. Социология. Парадигмы через призму социологического воображения. Изд. 3-е. М.: Экзамен, 2007.

Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии Развитого Индустриального Общества. М.: REFL – book, 1994.

Пархоменко В. П., Тарко А. М. Ядерная зима. 2000 (эл. ресурс). Режим доступа: <http://www.ecolife.ru/journal/ecap/2000-3-1.shtml>

Пересмотр международного порядка / отв. ред. Я. Тинберген. М.: Прогресс, 1980.

Печчи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1980.

Статистика.ру (эл. ресурс). Режим доступа: http://statistika.ru/transport/2007/12/10/transport_9877.html

Форрестер Дж. Мировая динамика. М.: Наука, 1978.

Abell J. and Condor S. «We are an island»: Geographical Imagery in Accounts of Citizenship, Civil Society, and National Identity in Scotland and in England // *Political Psychology*. Vol. 27. No. 2. 2006. P. 207–226.

Abowitz K. & Harnish J. Contemporary Discourses of Citizenship // *Review of Educational Research*. Winter 2006. Vol. 76. No. 4. P. 653–690.

Amnesty International (эл. ресурс). Режим доступа: <http://www.amnesty.org/en/who-we-are>

АТТАС (эл. ресурс). Режим доступа: <http://www.attac.org/node/3727>

Dower N. *Global Citizenship: a Critical Reader*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2002.

Concepts of Europe and European Citizenship // *European Citizenship Document Repository* (эл. ресурс). Режим доступа: <http://www.european-citizenship.org/documents/>

Greenpeace (эл. ресурс). Режим доступа: // <http://www.greenpeace.org/international/en/about/>

Likely to See Themselves as Global Citizens: Global Survey. 2009 (эл. ресурс). Режим доступа: http://www.worldpublicopinion.org/pipa/articles/views_on_countriesregions_bt/608.php

Hansen R. A European citizenship or a Europe of citizens? Third country nationals in the EU // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Oct. 1998. Vol. 24. № 4. P. 751–768.

<http://www.globalstewards.org/survey.htm>

Internet World Stats/ Usage and Population Statistics. 2011. 20 Nov. (Эл. ресурс). Режим доступа: <http://www.internetworldstats.com/stats7.htm>

Korten D. C., Perlas N., Shiva V. *Global Civil Society: the Path Ahead*. Global Civil Society. Discussion Paper. 2002. 20 Nov. Published by Berrett-Koehler Publishers

Lagos T. G. «Global Citizenship – Toward a Definition». Global Citizen Project Website. 2007. 26 Nov. (эл. ресурс). Режим доступа: <http://depts.washington.edu/gcp/pdf/globalcitizenship.pdf>.

Langlois S. Identity Movements // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences* / prepared for Neil J. Smelser and Paul B. Baltes. Elsevier, 2001.

Painter J. European Citizenship and the Regions // *European urban and regional studies*. 2008. Vol. 15. №1. P. 5–19.

People Who Know Foreigners or Travel More Likely to See Themselves as Global Citizens: Global Survey. 2009 (эл. ресурс). Режим доступа: http://www.worldpublicopinion.org/pipa/articles/views_on_countriesregions_bt/608.php

Piper H., Garrat D. Identity and Citizenship: some Contradictions in Practice // *British Journal of Education Studies*. 2004. Vol. 52. №. 3. September. P. 276–292.

Transnational Protest and Global Activism // ed. by D. Della Porta and S. Tarrow. Lanham, MD: Rowman and Littlefield Publishers, 2005.

U.S. Public Opinion Survey Results on the Environment, Trade, and Campaign Finance Reform (эл. ресурс). Режим доступа: <http://www.globalstewards.org/survey.htm>

Н. В. Загладин, Н. Ю. Беляева

ГЛАВА 18. ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ И РЕКОНФИГУРАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Территориальная идентичность – сложное явление, имеющее отношение к личной и коллективной идентичности, к определению места человека и сообщества в окружающем мире. Особая проблема – соотношение «вертикальной» и «горизонтальной» составляющих территориальной идентичности, связанных, соответственно, с тождеством территориального объекта «самому себе» и с его ролевыми отношениями с окружающими объектами. На наш взгляд, соотношение «вертикальной» и «горизонтальной» моделей формирования идентичности – «ключ» к таким практическим аспектам изучения территориальной идентичности, как образ и бренд территории. Наконец, различные типы территориальной идентичности связаны с представлениями их носителей об окружающем пространстве, формируя пространство политической коммуникации.

Вертикальная и горизонтальная модели формирования территориальной идентичности

Говоря о «вертикальной» и «горизонтальной» моделях идентичности, мы имеем в виду «помещение» территории в различные пространственные контексты. При этом может быть проведена прямая аналогия между территориальной идентичностью и сосюрсовскими принципами структурной лингвистики (Сосюр 2004): в процессе формирования территориальной идентичности определенное сообщество становится «означаемым», и оно «означается» (репрезентируется) определенной территорией, но смысл, которым наделяется сама территория, определяется по ее соотношению с другими территориальными объектами.

Существует несколько стратегий смыслообразования территории определенного сообщества (и, соответственно, его позициони-

Фромм Э. Иметь или быть? М.: Прогресс, 1990.

Castells M. The Power of Identity: The Information Age (Economy, society, and culture). Vol. 2. 2nd ed. Oxford, Carlton: Wiley – Blackwell, 2004.

Hertz N. Towards a theory of co-op capitalism. L.: IPPR, 2012 (эл. ресурс). Режим доступа: <http://www.ippr.org/articles/56/8662/towards-a-theory-of-co-op-capitalism>

Inglehart R. Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1990.

Inglehart R. Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997.

Lawson N. What is the public interest and how can we reclaim it? // The Guardian 2012. 30 Jan.

Micheletti M. and Stolle D. Concept of Political Consumerism // Youth Activism. An International Encyclopedia. Vol. 2 / ed. by L. R. Sherrod. Westport: Greenwood Publishing, 2006.

И. С. Семенов, В. В. Лапкин, К. Г. Холодковский

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Беляева Нина Юрьевна, кандидат юридических наук, заведующая кафедрой публичной политики Национального исследовательского университета – Высшая школа экономики. *Сфера научных интересов: публичная политика и практики политического управления; глобальные акторы и глобальное «эффективное управление» (global governance); гражданское общество и гражданское участие; образовательная политика в сравнительной перспективе.* Избранные публикации: Развитие концепта публичной политики: внимание «движущим силам» и управляющим субъектам // Полис. 2011. № 3; Конституционное развитие России: задачи институционального проектирования // под ред. Н. Ю. Беляевой. М.: Изд. дом ГУ – ВШЭ, 2007; Публичная политика в современной России: субъекты и институты // под ред. Н. Ю. Беляевой М.: ТЕИС, 2006.

Бусыгина Ирина Марковна, доктор политических наук, директор Центра региональных политических исследований Института международных исследований МГИМО (У) МИД России, профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО. *Сфера научных интересов: региональная интеграция, сравнительный федерализм, Европейский союз, постсоветское пространство.* Избранные работы: Страны-гиганты: проблемы территориальной стабильности. Сборник докладов / под ред. И. М. Бусыгиной, Л. В. Смирнягина, М. Г. Филиппова. М.: МГИМО – Университет, 2010; Федерализм и этническое разнообразие в России / под ред. И. Бусыгиной и А. Хайнеманна-Грюдера. М.: РОССПЭН, 2010; Russia: the Federal Relation's Impact on Foreign Policy // Regional Leadership in the Global System: Ideas, Interests and Strategies of Regional Powers / ed. by D. Flemes. Farnham; Burlington: Ashgate, 2010; Risks and Constraints of Political Modernization in Russia: The Federal Problem // Perspectives on European Politics and Society. Vol. 12. № 1, 2011 (with Mikhail Filippov and Olga Shvetsova); Модель «центр-периферия», федерализм и проблема модернизации российского государства // Политическая наука. 2011. № 4.

Вайштейн Григорий Ильич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН. *Сфера научных интересов:*

Научное издание

**Политическая идентичность
и политика идентичности**

Том 2

**Идентичность и социально-политические изменения
в XXI веке**

<http://www.imemo.ru>

Ведущий редактор *И. В. Федосеева*

Редактор *А. В. Воеводский*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *А. Ю. Никулин*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*

Компьютерная верстка *С. В. Ветрова*

Корректор *Н. П. Голубцова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 20.07.2012.

Формат 60x90/16. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 29,5.

Тираж 1000 экз. Заказ 1101

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)

117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82.

Тел.: 334-81-87 (дирекция), 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано в ООО «Чебоксарская типография № 1»

428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15

Телефоны: 8(8352)28-77-98, 57-01-87

Сайт: www.volga-print.ru